

ДЭВИД ЭЛЛИС

ДОМ ЛЖИ

INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Э47

David Ellis

LOOK CLOSER

Copyright © 2022 by David Ellis

Эллис, Дэвид.

Э47 Дом лжи / Дэвид Эллис ; [перевод с английского Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. — (Tok. Детектив в кубе).

ISBN 978-5-04-210831-0

Саймон и Вики Добиас — богатая, благополучная семья из Чикаго. Он — уважаемый преподаватель права, она — защитница жертв домашнего насилия. Спокойная, счастливая семейная жизнь. Но на самом деле все абсолютно не так, как кажется. На поверхности остается лишь то, что они хотят показать людям. И один из них вполне может оказаться убийцей...

Когда блестящую светскую львицу Лорен Бетанкур находят повешенной, тайная жизнь четы Добиас выходит на свет. Их бурные романы на стороне... Травматический фонд Саймона в двадцать один миллион долларов, срок погашения которого вот-вот наступит... Многолетняя обида Вики и ее одержимость местью... Это лишь вершина айсберга, и она будет иметь самые разрушительные последствия. Но хотя и Вики, и Саймон — лжецы, кто именно кого обманывает? К тому же под этим слоем лицемерия скрывается еще одна ложь. Поистине чудовищная...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Екимова Н.В.,
перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210831-0

1. Саймон

Я беру зеленый одноразовый телефон, чтобы посмотреть время. На экране 8.51. Девять без девяти. Ряженные ребятишки разошлись по домам два часа назад, когда Грейс-Виллидж погрузилась во тьму, а теперь обитатели этой деревни для богатых укладываются спать.

Полицейские машины наверняка уже патрулируют здешние улицы, как обычно, но на Латроу-авеню они еще не появлялись. По крайней мере, я не вижу их, когда, стоя в передней дома Лорен, смотрю через дверной глазок на улицу затуманенными глазами. Нет, это не слезы. Я не плачу. Хотя я думал, что они придут. Но их нет. Да и потом, скорее всего, тоже не будет. Слезы — это для грусти, сожалений, раскаяния.

Но я и не спокоен — мое самочувствие сейчас вряд ли можно назвать нормальным, вовсе нет. В ушах звенит так, словно где-то далеко заливаются колокольчики, сердце грохочет ТУК-ТУК-ТУК, пульс частит, отзываясь во всех уголках тела тревожной басовой партией, какую не услышишь даже в симфоническом оркестре. И все же моя рука не дрожит, когда я кладу ее на внутреннюю ручку двери — узорную золотистую защелку, какой впору закрывать подвал, полный

королевских сокровищ. Вот только за этой дверью для меня нет сокровищ. Только опасность. Меня не должно быть здесь, в доме Лорен.

Обернувшись, я в последний раз окидываю фойе взглядом.

Тело Лорен свисает с площадки второго этажа, почти касаясь мраморного пола пальцами ног. Оно висит неподвижно, ко мне лицом; ее голова, естественно круто склоненная вправо, лежит на узловатой веревке, обмотанной вокруг шеи, и кажется, что эта голова вот-вот отделится от тела и, словно мяч, запрыгает по полу. На Лорен костюм кошки, плотно облегающий каждый изгиб ее тела, и маскарадный макияж с усами и треугольной пипкой носа; даже ногти на руках и ногах покрашены черным лаком. Вылитая «Хэллоуин Барби», если такая, конечно, существует. Хотя почему бы ей не существовать — наверняка есть... Туго натянутая веревка тянется от шеи к перилам второго этажа, где оббивает кованые узорные балясины лестничной площадки, с которой наверняка замечательно видно фойе. Я смотрю на Лорен, но вижу не ухоженную женщину в сексуальном наряде, а обвалочный цех на мясокомбинате, где в холодильнике висят на крюках говяжьих туши, целые и частями.

Счастливого Хэллоуина, Лорен.

Я делаю шаг. Под моим ботинком хрустит осколок стекла от большой вазы со сладостями, которая разбилась в фойе. Зачем я пошел к ней — попрощаться? Надеть ей лодочку, которая свалилась с ее левой ноги? Я не знаю. Но намерение уходит, и я возвращаюсь к двери.

Потянув узорчатую задвижку вниз, выхожу на улицу, и ночной осенний воздух врывается в пространство моего капюшона, который закрывает мне все лицо, напрочь лишая периферийного зрения. Я ловлю себя на мысли, что забыл посмотреть в глазок, прежде чем выйти. Какая небрежность... А ведь сегодня не та ночь, когда я могу позволить себе небрежность.

Улицы поселка безлюдны, когда я, Мрачный Жнец с пластиковым пакетом в руке, прохожу мимо деревьев с висящими на них скелетами, мимо могил на ухоженных лужайках перед домами, мимо живых изгородей, подсвеченных оранжевым светом, мимо окон, из которых на меня хмуро взирают привидения.

Маскарадный костюм прячет не только мое лицо, но и фигуру, однако рост в пять футов¹ и одиннадцать дюймов² не скроешь, и остается только надеяться, что если меня кто-нибудь увидит, то подумает, что это припозднившийся подросток возвращается после сбора сладостей (хотя такое вряд ли, ведь свет здесь выключают строго по часам, и праздник тут же заканчивается); ну или взрослый, который возвращается с вечеринки (хотя если полиция остановит меня и начнет задавать вопросы, то я не смогу назвать ни имени хозяина, ни номера дома). Остается только идти беззаботным шагом, как человек, чья совесть чиста. Несмотря на черный маскарадный костюм, он ни у кого не должен вызвать подозрения или тревоги — такая уж сегодня

¹ 1 фут = 30,4 см.

² 1 дюйм = 2,54 см.

ночь. Но все-таки стоит придумать какой-то ответ, на случай если полицейские все же проявят ко мне интерес.

Как сказала мне одна мудрая женщина: «Лучшая ложь та, которая ближе всего к правде».

«Иду домой, — скажу я, если меня спросят. — Много выпил».

Должно сработать. Правда, я совсем не пил, но как это докажешь? А насчет того, что я иду домой, то это почти правда. По крайней мере, я иду в том направлении.

Прохожу насквозь поселок, расчерченный артериями пересекающихся улиц, и попадаю в парк на юго-восточной окраине. Сквозная диагональная аллея ведет меня мимо бездомных, спящих на скамейках, мимо качелей и детских городков, мимо кучки подростков на горке, с банками пива в руках, которые они старательно прячут при моем приближении. Я иду, изображая из себя нормального человека, который думает о нормальных вещах. Да, давно я уже не думал ни о чем нормальном, даже отвык...

Я стал ненормальным тринадцатого мая этого года.

С тех пор и по сей день я играю в игру под названием «а что, если». Что, если б я не пошел стричься в тот день, тринадцатого мая? Что, если б декан не задержал меня тогда, вызвав к себе в кабинет, и я вышел бы на улицу на несколько минут раньше? Всего каких-то десять-пятнадцать секунд, и я не встретил бы ее, не узнал бы, что она вернулась.

Но это меня не успокаивает. И я решаю думать о том, что будет дальше. Моя тетрадь. Зеленая, под цвет

телефона. Я ведь избавился от нее, так? Развел в камине огонь и жег ее до тех пор, пока от нее не осталась лишь кучка пепла. Или нет? Сжег я ее на самом деле или это мне только приснилось? Если полиция найдет эту тетрадь, то я пропал, моя песенка спета, партия сыграна, я получаю шах и мат.

Однако такие мысли не снижают уровень адреналина в крови, и я прибегаю к старому испытанному средству — начинаю перебирать слова, как делал еще в детстве, когда мне надо было успокоиться, отвлечься и перестать психовать. Например, почему «троллейбус» звучит как автобус для троллей? Или почему «фокс-терьер» и «бультерьер» — это породы собак, а «экстерьер» и «интерьер» — нет? Даже не знаю, почему противоречие и странность так привлекают и, главное, успокаивают меня... Может быть, потому, что я сам такой?

Останавливаюсь. Ноги делаются ватными, накатывает изнеможение, пульс зашкаливает, тарактит где-то в горле. А ведь до Гарлем-авеню отсюда рукой подать, еще пара минут — и я выйду за пределы Грейс-Виллидж и окажусь в Грейс-Парк, более крупном поселении, практически городе, где живу я.

Кое-как добредаю до сарая, где лежит оборудование для уборки парка, и ныряю за него. Там, упав на землю, сдергиваю с головы капюшон и прижимаюсь вспотевшим затылком к кирпичной стене. Шарю в пакете в поисках ножа. Когда я был маленьким, этим ножом у нас дома резали индейку на День благодарения. Сегодня я взял его с собой на всякий случай, вдруг понадобится.

Потом достаю зеленый телефон и набираю текст:

«Прости меня, Лорен. Прости за то, что я сделал, за то, что ты не любила меня. Но я нисколько не жалею, что любил тебя так, как никто другой. Надеюсь, там ты примешь меня и позволишь любить тебя так, как не хотела быть любимой здесь».

Покончив с этим, кладу телефон себе на колени, рядом с ножом. Вытягиваю вперед руку, внимательно смотрю на нее. Рука не дрожит, ни грамма.

Я вдыхаю полной грудью и киваю. Я сделаю это. Я готов.

ДО ХЭЛЛОУИНА

13 МАЯ 2022 ГОДА

2. Саймон

— Знаешь, в чем твоя проблема? — говорит Аншу, хотя я ни о чем его не спрашивал. И вообще, если начать перебирать мои проблемы, то мы просидим здесь до утра. — Твой вид не соответствует твоей роли, — заявляет он, не дожидаясь, когда я произнесу положенную в таких случаях реплику.

— Мой вид... — Я окидываю внимательным взглядом застегнутую на все пуговицы оксфордскую рубашку и синие джинсы. — А что с ним не так?

— Ты одеваешься как студент. Но ведь ты — преподаватель.

— И что мне теперь, носить твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях? Может, еще трубку курить начать?

Я сижу в своем кабинете на четвертом этаже юридической школы с профессором Аншуманом Биндрой, и уж его-то никто не примет за студента. Профессорскую внешность ему подарила сама природа: лицо круглое, как у совы, аккуратно постриженная борода и густой, вечно взъерошенный, что с ним ни делай, куст жестких волос на голове. Аншу откидывается на спинку кресла.

— Саймон, друг мой, Верховный суд Соединенных Штатов только что вынес мотивированное решение, в котором судьи ссылаются на твою работу. Это как если бы все судьи Верховного суда разом повернулись из Вашингтона в сторону Чикаго и громко шепнули нашему ректору: «Пора назначить этого парня профессором». Ты должен собой гордиться. Чувствовать себя новым королем Четвертой поправки¹. А ты вместо этого заявляешься в таком виде, как будто на вечеринку студенческого землячества собрался.

— Какое отношение имеет к профессорству моя одежда? Разве не важнее, что я говорю, чему учу, о чем пишу и...

Но Аншу насмешливо складывает пальцы одной руки в подобие клюва и делает ими такое движение, как будто быстро болтает: йада, йада, йада...

— Посмотри на Рейда: вот он выглядит именно так, как положено выглядеть профессору. Спортивный пиджак и брюки, каждый день. Именно брюки, не джинсы.

Рейд Саутерн? Да этот парень для науки — как Поли Шор для драматического театра: родители у него со связями, и все об этом знают.

— Спортивный пиджак он носит, чтобы спрятать брюхо, — говорю я. — А в джинсы, наверное, просто не влезает.

Аншу опускает голову и щиплет себя за переносицу.

¹ Четвертая поправка к Конституции США является частью Билля о правах и запрещает необоснованные обыски и задержания, а также требует, чтобы любые ордера на обыск выдавались судом при наличии достаточных оснований, исключая случаи федерального законодательства.

— Ну да, ты бегаешь марафоны, и половина твоих студентов наверняка не прочь с тобой подружиться... Зато Рейд выглядит как профессор. Не только выглядит, он ведет себя как профессор. Он слушает у себя в кабинете Моцарта! А ты слушаешь R.E.M., и N.W.A., и еще «Panic! at the Disco».

— Ну, во-первых, — я наклоняюсь к нему, — я никогда не слушал и ни за что не буду слушать «Panic!», тем более «at the Disco». А во-вторых, какое отношение к профессорству имеет музыка, которая мне нравится?

— Да тут не только музыка, тут целый пакет проблем. Вид у тебя... потертый, музыка неправильная и общее отношение тоже... так себе. Вот ты, например, считаешь, что дело не во внешности, так? А я тебе скажу, что внешность имеет значение, да еще какое.

— Нет, я знаю, что имеет. Но меняться ради них? И не подумаю. Да и почему я должен меняться? Дресс-кода в нашей школе нет. Как преподаватель я куда лучше Рейда Саутерна. Студенты его ненавидят. Я читал их отзывы. Как ученый, он в лучшем случае педант, пишет о вариантах истолкования обоюдного согласия в контрактном праве. Я же пишу о том, что государство систематически нарушает конституционные права собственных граждан.

— Ты чересчур самокритичен, раз уж мы об этом заговорили, — замечает Аншу.

Так, еще и это... Впрочем, почему бы и нет?

— А ты хочешь видеть меня самовлюбленным напыщенным ослом? Господи, Аншу, да ты противоречишь всему, чему учила меня мать.

Аншу выбрасывает вперед руку и тычет в меня указующим перстом.

— Вот что ты сейчас ляпнул Лумису в коридоре? Второй человек в чертовой комиссии по распределению должностей подошел поздравить тебя с тем, что Верховный суд процитировал твою статью, — и что ты ему ответил?

— А что? Не помню.

— Ты сказал: «Наверное, у Верховного суда был сегодня не лучший день».

О, точно, именно так я и сказал.

— А где же твоя благодарность? — продолжает Аншу. — Высшая судебная инстанция страны цитирует твою статью. Это что, каждый день случается? Ты не можешь хотя бы один день немного собой погордиться, походить с видом именинника? Но нет, такое не для тебя, ты даже комплимент не можешь нормально принять, без самоуничтожения. И кстати, Рейд не ведет блогов, — ни с того ни с сего добавляет он.

Я развожу руками.

— А блог-то тут при чем?

— Ты там шутишь. Смешишь читателей.

— А еще я обсуждаю разные судебные решения и анализирую, насколько они верны с точки зрения закона.

— Ты сочинил лимерик¹ о верховном правосудии Соединенных Штатов.

— Да, и он вышел забавным.

— Ну да, но нельзя же быть таким... нахальным и непочтительным.

¹ Лимерик — стихотворный жанр английского происхождения, пятистишие абсурдистского содержания.

— В смысле, нельзя не быть напыщенным? Нельзя не использовать сноски и латинские термины? Ты же знаешь, как я ненавижу сноски и...

— Да, мне известно твое отношение к сноскам. — Теперь он протягивает ко мне обе руки, а его лицо делается умоляющим. — Но профессора-правоведы пользуются сносками! Они сыплют латинскими терминами направо и налево!

А я — нет. Я одеваюсь так, как мне нравится, не подлизываюсь к факультетскому начальству за покерным столом и на коктейльных вечеринках, не пользуюсь латинскими терминами и ни за что, никогда не буду писать эти чертовы сноски.

Ну ладно, положим, это не битва за высоту Сан-Хуан¹, но для меня это дело принципа.

— Ты сначала получи должность, — продолжает Аншу, — а как станешь профессором, тогда и бросай вызов академическим устоям. А то ты с твоей отрешенностью...

Нет уж, отрешенность — это точно не про меня. Я какой угодно, но только не отрешенный. Я упрямый. А это большая разница.

— Хочешь латыни — вот, пожалуйста, — говорю я. — *Ego facturus est via mea*.

Аншу вздыхает.

— А теперь, будь добр, объясни, что это значит.

— Это значит, что я все делаю по-своему.

— Ну конечно, — он разводит руками. — Конечно по-своему.

¹ Битва за высоту Сан-Хуан — крупное сражение испано-американской войны 1898 г.